

ЭЛЬДАР САФИН

ВОЛКОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
С 21

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25658-3

© Э. Ф. Сафин, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОЛОДЯ

Я вернулся из командировки около трех часов ночи, мечтая только о том, чтобы положить голову на подушку и выключиться из реальности.

Но на входе меня ждала Айранэ.

— Ты Хочешь Чтобы Я Как Дикая? — зачастила она, едва увидев меня, так, что я еще воспринимал ее высокий темп, но уже с трудом. — Ты Вообще Что Творишь!

В ее словах была доля правды — командировка затянулась, и я пропустил супружеский час, а был он дня три... нет, скорее, пять назад, значит Айранэ действительно приближалась к опасному периоду.

Полностью уверенная в своей правоте, она шагала впереди меня на женскую половину. Небольшой чемодан я оставил у входа, плащ и шляпу скинул прямо на него, понимая, что вряд ли уже сегодня вернусь сюда, а завтра утром буду искать их у себя, на мужской половине.

Как и все прошлые разы, когда я входил на женскую половину, меня охватил затаенный детский восторг. Здесь пахло пряностями, здесь было ощущение моего чужого детства. Как и все мальчики моего круга, после рождения я жил на женской половине до двух лет, в общей детской, после чего отец и дядья забрали меня на мужскую, выделив отдельную комнату.

Это стало изгнанием из рая. Но воспоминания о том рае, ушедшие глубоко в донные отложения памяти, в та-

кие вот моменты выплевывали пузыри с неясными фрагментами чего-то теплого, яркого и безмятежного — когда никто ничего от тебя не ждет, не требует, а ты просто живешь в окружении любящих людей.

— ДавайБыстроМнеЗавтраРано. — Айранэ прямо при мне сбросила халат, обнажаясь полностью — небольшие грудки, острые ключицы, — словно не понимала, как меня волнует.

Впрочем, наверняка не понимала. Момент наготы был краток — едва скинув халат, она сразу же надела длинную шелковую рубашку для исполнения супружеского долга и лицом вниз легла на кровать.

Постели на женской половине — это гигантские мягкие конгломераты разной мебели. Кушетки, кровати и диваны, образующие условно ровное пространство, выгибающееся то тут, то там спинками, с редкими провалами до самого пола, с горами подушек и пуфиков.

В моменты гормональных кризисов женщины ищут позу, в которой не так больно, и подобные ложа помогают в этом. Когда кто-то из старших женщин умирает, молодые, выждав положенный срок, растаскивают себе эти постели: с одной стороны, в этом есть преемственность клана, с другой — старшие женщины, как правило, прожили долгую и насыщенную жизнь, они кое-что понимают в комфорте, и среди элементов их ложа можно найти действительно удобные.

Обычно супружеский долг мы отдавали друг другу в «общей» комнате, с нормальной двуспальной кроватью, но сегодня Айранэ была уверена, что я провинился, задержавшись в командировке, и вроде как наказывала меня, заставляя выполнять предписание на ее территории, там, где ей наиболее удобно.

Но для меня это был волнующий, волшебный опыт, который будоражил, вытаскивая из бездны давно утраченные воспоминания.

Я скинул пиджак, брюки, сорочку — не медля, но и не слишком торопясь. Возбуждение постепенно накрывало меня, и на этот раз оно было необычным.

Положив руки ей на спину, я медленно повел вверх, комкая рубашку. Встав на колени на постель с ней рядом, лишь на мгновенье отнял руки, а затем надавил снова.

Айранэ — моя жена — поежилась. Я видел в свете ночника — опять же, не выключила — наказывает? Или так торопится? — как на ее шее выступили мурашки; убрал руку и медленно прикусил ее загривок.

А затем, не разжимая зубов, поводил ее головой вправо и влево, демонстрируя, кто здесь главный.

Айранэ слегка взбрыкнула — мол, что ты тут устроил? Но мне было плевать, меня уже несло. Не выпуская ее загривок и придерживая рукой подмышками — чтобы не было по-настоящему больно, — я перетащил ее вглубь кровати, выискивая более-менее ровное место.

Затем перевернул ее на спину и провел лицом по шелку рубашки вниз, от шеи до лона, а затем вверх, вдыхая запах, ощущая скольжение плоти, разделенной шелком.

Подхватив ее на руки, приподнял над кроватью, уронил обратно и начал мять, как плотное тесто, всю, целиком, не фиксируясь на деталях.

Я не вполне контролировал себя: это был мужской транс. Тот самый, который охватывает целые полки на поле боя. Тот, в который вводили ритмичным стуком барабаны на фабриках и галерах.

Транс, который отключает в тебе личность, но выводит изнутри память предков, позволяющую выжить и не сойти с ума в любых условиях.

Для нашего круга мужской транс — это нечто постыдное, атавизм. Нас с детства учат распознавать его признаки и купировать. Контроль — постоянный, непрерывный, адский контроль над своими мыслями и телом.

Но сейчас я чувствовал, как захожу в это состояние, и не хотел его прерывать. Я оказался слишком уставшим, я чересчур глубоко вошел в собственные чувства и воспоминания, чтобы попытка прервать транс осталась без последствий.

Айранэ перестала сопротивляться, расслабилась и отдалась моим рукам, губам и языку как наводнению, и через некоторое время, когда я вошел в нее, почувствовал: сейчас.

Словно два путника, поднимающиеся к вершине, достигают пика и обнимаются, становясь единым целым, причем не только друг с другом, но и с самой этой горой, скалой, твердью, а потом рассыпаются горстью камней, превращающихся от накала чувств в лаву.

На короткое время я перестал ощущать себя, растворившись в Айранэ. Когда открыл глаза, она уже спала. Черты ее лица оказались неожиданно острыми. В обычной жизни эта острота скрадывалась мимикой. Сейчас же ее лицо выглядело серьезно и трогательно, как у ребенка, узнавшего о том, что все мы смертны.

Неожиданно для себя я поцеловал ее в щеку, встал с постели, собрал свои вещи и прямо как был, обнаженным, прошел на мужскую половину, к счастью не встретив по пути никого из семьи и домочадцев.

Родная постель — твердая, с тонким одеялом и упругим валиком подушки — приняла меня в свои объятия, не упрекая в короткой измене с мягким ложем жены.

Пиликнул телефон. Уже почти засыпая, я глянул — пришло сообщение от Славы: «Поставь Будильник». С отцом мы не говорили годами, но время от времени он кидал мне какие-нибудь приложения и ссылки на кафе или сайты, но я никогда не пользовался его советами.

Я смахнул сообщение и провалился в сон.

По прямой от моего дома до офиса — не больше километра. Проблема в том, что пройти насквозь пешком это расстояние невозможно — мешают широкополосное шоссе и несколько веток монорельса. Ближайшие пешеходные переходы через них находятся в часе неспешной ходьбы в одну сторону и в полтора — в другую.

Вот и получается, что, даже видя из окна дома краешек своего офисного здания, так просто я в свой кабинет не попаду. Чтобы добраться, я сажусь в длинный «драгон» семьдесят восьмого года, завожу древний газовый двигатель, придушенный двумя катализаторами, и еду полчаса по пробкам через три гигантские развязки.

И при этом наблюдаю экраны с социальной рекламой, в которой нет-нет да и мелькнет фото нашей семьи со мной девятилетним, мужественным отцом и женственной матерью или дедом Витей, отцом отца, которого зарезали незадолго до моего рождения — а ведь он должен был стать президентом дистрикта, причем величайшим, судя по статьям в мужской «Вики»!

Тридцать минут дороги привычным маршрутом — и я на месте.

Это обычно.

Но сегодня я обнаружил, что одна из развязок перекрыта по непонятной причине и работники в полосатых жилетках направляют в объезд.

В сторону Нижнего города, вдаль от центра, к женскому анклаву, вечным трущобам, которые каждый новый мэр обещает снести и отстроить заново, но до дела никогда не доходит.

За восемь лет моего автомобильного стажа я изучил эти места довольно неплохо, поэтому не стал толкаться со всеми в сторону кольца, а съехал под мост, к гаражам. Там, чуть дальше, еще лет двадцать назад ушлые контрабандисты прорыли тоннель к таможенным складам, через несколько лет тоннель нашли, но не засыпали, а облагородили асфальтом: по местной легенде, эта дыра сокращала путь начальнику милиции от работы до дома в два раза.

Учитывая, что третий зам начальника милиции — мой отец, а сам начальник — мой двоюродный дед, я точно знаю, что это не так. И еще точнее — что узаконивал тоннель тоже дед, продираясь сквозь недра бюрократии — не только мужской и привычной, но и женской, так как со стороны гаражей земля принадлежала анклаву.

Здесь тоже толкались, причем в отличие от развязок, где ездили преимущественно мужские, приземистые автомобили, внизу было полно и женских — высоких джипов и минивэнов.

Я спокойно стоял в короткой,двигающейся пробке, когда справа из бокового проезда на приличной скорости выскочила юркая «ведунья» и с визгом тормозов и заносом впечаталась в бок моей машины, ровно за водительской дверцей.

Едущие сзади спокойно перестроились левее, объезжая нас. Я вылез из машины, подошел к виновнице аварии — она сидела, не двигаясь, старательно отворачиваясь от меня.

— Добрый день, — сказал я, вежливо ускорив речь. — Если он, конечно, добрый.

Дама в машине была из низшего класса. То есть все мы помним слова уважаемого президента, многократно обмусоленные журналистами и политологами, — чего греха таить, в числе таких комментаторов был и я, — о том, что нам надо развивать средний класс, о том, что он растет очень быстрыми темпами, и о том, что именно на него надо опираться в деле ухода от нашей животной природы.

Но в конечном итоге ведь нет никакого «среднего класса». Есть класс высший: статные и хрупкие женщины и атлетически сложенные мужчины. И есть все остальные: приземистые, коренастые мужчины и под стать им — женщины, которые лишь чуть выше их.

Можно считать и по-другому: например, мой ныне покойный дядя Сёма был не особенно изящным — и тогда получится, что те, кто учится, живет и работает в смешанных командах, где есть и мужчины, и женщины, — это элита. А остальные, кто сталкивается с противоположным полом очень редко — и я не только про анклав и коммуны, — это низший класс.

Да, все эти современные идеи, «горизонтальные семьи», когда женятся между собой не люди, а небольшие коммуны с анклавами, все эти «приходящие браки» и прочие промежуточные идеи о том, как скрестить волка с овцой, — они не работают.

— ЗадницаЗадницаЗадницаЗадница, — «высокой», чуть ли не ультразвуковой женской скороговоркой, на грани моего восприятия, зачастила дама.

— Я вызываю дорожную милицию, — сказал я, еще более ускорив свою речь. — Вы можете сделать то же самое, позвонив в отряд самообороны.

Формально правила едины для всех участников движения, и не важно, чей инспектор оформляет происшествие — из женской самообороны или из мужской милиции.

Но в реальности как-то так получается, что если оформляла женщина, то процент виновных мужчин автоматически выше, а если инспектором был мужчина — то совсем наоборот. И поэтому неформально — но очень настойчиво — рекомендовалось, чтобы в случае смешанных происшествий звонок делался сразу в обе структуры.

— Мне нельзя, — неожиданно четко, медленно, практически на «низкой», мужской речи сказала дама и пристально посмотрела на меня. Стало ясно, что никакая она не «дама», а вполне еще молодая девчонка, лет двадцати, ну, может, чуть старше. — У меня баллы.

Это отдельная история. Большинство мужчин и женщин просто не задумываются о том, как живут наши соседи по «историческому симбиозу» в формулировке любимого президента нашего дистрикта.

Большинство мужчин месяцами не видят женщин вблизи — и наоборот. А даже если видят, стараются не общаться. Потому что это как минимум сложно. Хотя язык у нас практически один, с небольшими нюансами, то, что женщины говорят заметно выше и быстрее, а мужчины — ниже и медленнее, делает общение — если выразиться очень мягко — некомфортным.

Но даже это — мелочь по сравнению с тем, что у нас разное понимание таких вещей, как «вина», «долг», «обязательство». И тут уж сколько ни выпускай господин президент указов и исторических справок, сколь часто ни говори о том, как сильно мы продвинулись за последние годы «в деле понимания друг друга» и «улучшения качества совместного проживания», — а все равно будет сложно.

И если ты получал права на управление автомобилем в милиции, то можешь нарушать сколько угодно, в пределах разумного — при условии, что платишь штрафы, страховку и так далее.

А если в самообороне — то ни штрафов, ни страховки не платишь, все берет на себя анклав. Но у тебя есть некоторое количество баллов, зависящее от твоей ценности в женской общине, и за каждое нарушение эти баллы списываются, а потом в какой-то момент тебя просто лишают прав, и восстановить их как-то ну очень сложно, я в нюансы не вдавался, но знающие люди говорили, что проще переехать в другой дистрикт и там отучиться заново, чем получить права обратно здесь.

— Я заплачу Сколько Надо Не Надо Милицию И Самооборону, — опять зачастила девушка.

Тут надо отметить, что идти навстречу в спорных вопросах незнакомым — а часто и знакомым — женщинам считается большой глупостью. Полностью понять их логику невозможно, и, пытаясь сделать хорошо, мужчина часто решает на самом деле плохо для всех: и для себя, и для нее.

Поэтому в любой нестандартной ситуации — просто следуй правилам.

И совершенно непонятно, почему я в этот момент не достал свой телефон, чтобы набрать милицию, а кивнул и, ускорив речь и подняв голос до приличествующего ситуации, сказал:

— Тебе придется подвезти меня на работу, потому что на битой я не поеду.

Удар пришелся в заднее колесо, ехать на такой машине было бы опасно, поэтому я кое-как сдвинулся в сторону и там запарковался, позвонив дяде Марату и сообщив, где стоит автомобиль и в каком он состоянии. Дядя Марат любил возиться с машинами, и у него были знакомые инспекторы, механики, даже гонщики — и такие вот проблемы вся мужская часть семьи скидывала на него, а он с удовольствием с ними разбирался, хотя и постоянно ворчал на нас.

Девушку била дрожь, поэтому я заставил ее пересесть на пассажирское кресло, а сам устроился на водительском.

И задумался. Конечно, я смотрел юмористические видео о том, как мужчины садились в женские машины и пытались на них ездить, но почему-то полностью был уверен, что сам справлюсь без проблем.

— Зачем третья педаль? — уточнил я.

— Это Сцепление Его Выжимаешь Когда Переключаешь Передачу.

Женщины быстрее, чем мужчины. Не умнее, не сильнее, и решения, которые они принимают, на мой взгляд, чаще менее удачные, чем мужские, — хотя сами они наверняка считают иначе.

Но — быстрее. Чистая физиология. Они быстро говорят, быстро двигаются, быстро понимают, чего хотят. Для движения по общим дорогам они должны чуть замедлиться. Это как с общей речью — мужчина ускоряется, женщина замедляется, и мы как-то друг друга понимаем.

А чуть занервничаем — и уже не понимаем, потому что каждый переходит на свою речь: женщины — на высокую, мужчины — на низкую.

Когда едешь по дороге, контролировать себя сложно, и поэтому в машинах женщин столько переключателей, рычажков, кнопок и педалей. Езжай себе, нажимай... Во всяком случае, я не мог представить себе другой причины, по которой нельзя оставить в машине только рычаг автомата, поворотники, управление фарами и кондиционер.

Даже для того, чтобы настроить кресло под себя, мне пришлось — я не шучу! — нажать добрый десяток кнопок и рычажков, и все равно того комфорта, с каким ездил на своем «драгоне», я добиться не смог.

Ехали мы медленно, на первом километре я заглох раз десять и раза три едва не врезался в окружающих.

Девушку звали Раннэ, и она работала программистом на швейной фабрике, располагавшейся в подвале женского торгового центра. Я подкинул ее до офиса, затем на ее машине поехал к себе в редакцию, договорившись, что в семь тридцать, не раньше и не позже, заберу Раннэ от ТЦ.

На работу я рассчитывал опоздать на час, в итоге вышло два с половиной. Учитывая, что, кроме непосредственно журналистских задач, которыми я занимался обычно, на мне еще висели обязанности второго выпускающего редактора, наш шеф, Саня Никитыч, встретил меня грозным рыком.

— Не поверишь, — сказал я ему, поднимая перед собой руки. — В меня врезалась девка, в итоге я на ее машине отвозил ее к ней на работу, и сейчас эта машина стоит внизу на парковке.

Я подвел шефа к окну и показал на стоящий внизу минивэн. Единственная высокая женская машина на мужской редакционной парковке.

— А чего на женскую парковку не поставил? — удивился шеф.

— У меня ж пропуск только на мужскую, — пожал плечами я.

На женской парковке места шире, но короче. Женщины чаще ездят с детьми, их авто крепче, выше, напичканы всякой электроникой и системами безопасности.

— И как тебе бабская машина?

— Жогская фигня, — ответил я честно. — Там даже педалей три.

— Ты про деда материал не делал еще?

Всякий раз, когда Саня по какой-то причине был мною недоволен, он спрашивал про деда. Однажды, много лет назад, когда я, еще учась на журфаке, пришел сюда стажером, он поручил мне написать качественный лонгрид про деда Витю, убитого террористами накануне избрания в президенты. Статью «семейную и изнутри», то есть от внука про деда, с эксклюзивными материалами.

Я тогда пошел к отцу, с которым годами не общался, сходил к деду Митяю, пошептался с дядьями и выяснил одно: те, кто хорошо знал моего деда, говорить со мной отказывались, а те, кто его почти не знал, пересказывали всякие слухи про дурной характер, любовниц и про то, как он вкладывал деньги в стартапы, которые сразу после его смерти прогорели.

Тогда я пришел к Сане и честно признался, что лонгрида не будет. Не получится. И он вроде бы понял и принял, благо я тогда сделал отличный материал про месторождения газа под Саратовом и про литературное гетто в Торжке.

Но время от времени он про это вспоминал, чаще — не к месту.

— Не в этом году, — сказал я.

— Ладно, давай за работу, у нас послезавтра сдача номера в типографию, а я без твоей визы его даже на корректуру не отправлю. — Саня ткнул меня пальцем в грудь. — И если ты считаешь, что, прокатившись на непонятной машине пару километров, заслужил поблажку, то ты капитально ошибаешься.

Пару лет назад я выбил себе отдельный кабинет — тогда из соседнего офиса съехали парни из команды стартапа, проигравшие гонку другому стартапу, женскому. Что-то связанное с финтехом, электронными день-

гами. Тогда мы в редакции долго обсуждали эту историю. Выглядело все так, словно никакие потуги господина президента не смогут сделать больше, чем сфера IT, в деле объединения мужчин и женщин, потому что на вершине дельцам обоего пола все равно, откуда приходят бабки — из мужских или из женских стартапов.

Наш журнал в тот момент резко рванул в тиражах, к тому же еще попал под приличный грант женского анклава, и мы забрали себе офис прогоревшего стартапа, а я получил отдельный кабинет.

— Миру мир, — буркнул Леха, наш корректор, потягивающий кофе в небольшом закутке между женской и мужской половинами редакции. — Я видел, ты на «ведунье» приехал? Как вообще тачка? Дашь погонять?

— Это не моя, — ответил я.

— Ясно дело. — Леха неопределенно крутанул ладонью в воздухе, показывая, что уж ему-то известно, насколько сложно заполучить мужчине женскую машину. — У жены взял? Или у матери?

Я замер.

Если честно, сама мысль о том, что можно взять что-то у жены, а тем более у матери, звучала фантастически.

Леха был коммунар, то есть самый что ни на есть низший класс, воспитанный в длинных бараках, пропитанных вечным детским мужским потом.

Он считал, что если ты из высшего класса, да еще и женат, то общаешься с женщинами каждый день, имеешь с ними постоянно какие-то дела, делишь с ними вещи.

Занимаешься сексом каждый раз, когда тебе становится одиноко.

Господин президент и вся наша свора рекламщиков обоего пола поддерживали эту иллюзию, лепя из нас, ло-

комотивов этой идеи, каких-то полубогов, которые живут не просто в одном доме с людьми противоположного пола, а по-настоящему вместе.

Но это — чистый обман. С матерью я последний раз говорил больше года назад, хотя она живет в трех дверях от меня, а взяв у жены без спроса хотя бы расческу, я тут же стану героем семейных анекдотов лет на десять, символом глупости и рассеянности.

— Это машина незнакомой мне девки, которая пару часов назад въехала в меня, когда я двигался в сторону работы. Погонять не дам, тем более что у тебя и прав нет.

Права у Лехи, конечно, были — но только на современные электромобили, дешевые легкие «погремушки», как их называли мы, адепты древних крокодилов на объемных газовых двигателях. Женщины обычно ездили на гибридах, которые, когда заканчивался электрический заряд, всегда позволяли доехать до зарядки на газе.

И для женских автомобилей требовались полноценные права, такие как у меня, а не «облегченные», дешевые и быстрые, как у Лехи.

— Тебе жена не говорила, что ты зануда? — Леха обиженно отвернулся.

Жена мне за восемь лет брака вообще мало что говорила, если честно. Когда у нее возникал ко мне вопрос, от нее приходила одна из тетюшек, а если вдруг она была крепко мною недовольна, то подключалась тяжелая артиллерия и меня к себе вызывала мать.

Перед командировкой я забыл выключить кондиционер — тогда стояла дикая жара, — и сейчас, войдя в кабинет, окунулся в сухой арктический холод.

Открыв нараспашку окна, я достал из саквояжа брелок компьютера и воткнул в монитор, наблюдая, как по экрану побежали знакомые строки проверок перед стартом системы.

Сафин Э.

С 21 Волков-блюз : роман / Эльдар Сафин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. — (Звезды новой фантастики). ISBN 978-5-389-25658-3

Однажды сместились тектонические плиты, и Африка соединилась с Евразией. В Африке находилась мужская ветвь человечества, в Евразии — женская. И между ними случился симбиоз, возникла общая речь: мужчины научились ускорять свою речь до женской, а женщины — замедлять свою до мужской. Через полтора миллиона лет Владимир Волков работает вторым выпускающим редактором общего журнала «Лебедь» в дистрикте Тверь Славянского Союза. Он верен своей жене Айранэ и никогда не пропускает супружеский час, зная, что это чревато Блеском. Но именно общий Блеск — гормональная Буря — послужит укрытием в женском анклав для Владимира и его воскресшего из мертвых дяди Сёмы, который умудрился ввезти в дистрикт своего «мужского ребенка» — жога. Ведь хотя Славянский Союз стремится уйти как можно дальше от хофов и жогов, от нашего животного прошлого, это одно из немногих мест на планете, где жогов сразу не убивают. Еще, конечно, есть остров Мадагаскар, мировая столица информационных технологий, откуда выдачи нет...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ЭЛЬДАР ФАРИТОВИЧ САФИН
ВОЛКОВ-БЛЮЗ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 20.05.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,4. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

У-KNF-34630-01-R